

ББК Т1 + Т227

УДК 930 + 94

МЕЖДУ НАУКОЙ И ОБЩЕСТВЕННЫМ ДВИЖЕНИЕМ: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ XVIII-го МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА УСТНОЙ ИСТОРИИ

Р.С. Черепанова

В статье поднимается ряд проблем, связанных со статусом и методами устной истории.

Ключевые слова: устная история, антропология, память, общество, историография.

В июле 2014 г. в Барселоне (Испания) состоялся XVIII-й Международный конгресс устной истории, посвященный, как было заявлено организаторами, проблемам взаимоотношений власти и памяти. Помимо пленарного заседания и итоговой дискуссии, было организовано несколько круглых столов и почти 90 тематических секций, в одной из которых имела честь принять участие автор этих строк. Рабочими языками конгресса были английский и испанский. Среди участников конгресса значились как признанные классики устной истории – Дон Ричи, Алессандро Портелли, Пилар Домингес – так и начинающие исследователи.

Главным содержанием работы конгресса, на мой взгляд, стала неравная борьба двух подходов к пониманию oral history. Большинство участников придерживались той изначальной и классической концепции устной истории, которая видела в ней прежде всего некое общественное движение, направленное на «демократизацию» (в самом общем смысле) и «борьбу с наследием антидемократических режимов». Устная история, действительно, возникла в свое время в виде противовеса «официальной» историографии и опираясь на предположение о том, что подавленные властью группы хранят альтернативную и, соответственно, «более истинную» версию исторических событий [1, 2]. Сторонники данного подхода, участвовавшие в конгрессе, предсказуемо помещали в фокус своих исследований женщин-антифашисток, темнокожее население в странах Европы и США, заключенных концлагерей, ВИЧ-инфицированных, представителей национальных меньшинств (румыны, проживающие в Латвии, например, стали предметом аж целых трех докладов), а также всевозможных «борцов за права» (не перестаю сожалеть, что не смогла присутствовать на секции, в программе которой был заявлен доклад латвийской исследовательницы – Sanita Reisone – с интригующим названием: «Лицом лицу с врагом: образ чекиста в нарративах партизанок послевоенных латвийских национальных отрядов»).

При этом всячески подчеркивалось, что:

– устная история – это не просто общественное движение: это нонконформистское движение (Pilar Dominguez);

– Россия (с ее антидемократическим наследием) представляется особенно перспективным полем для устной истории; до сих пор не вполне разработаны и ждут своих исследователей темы войны, голода, террора и т.п. (Ирина Щербакова; сама она посвятила свой доклад повседневной жизни обитателей ГУЛАГа);

– устная история – это не столько собирание фактов, сколько воспитание гордости и иных важных социальных чувств (Todd Moye).

В последнее время, однако, этот, условно говоря, «либеральный», подход к устной истории неоднократно подвергался критике за слишком очевидную даже по меркам гуманитарных дисциплин идеологическую и политическую предвзятость [3, 4]. В высшей степени симптоматично, например, что устными историями русских в Латвии ни одна из трех исследовательниц, описывающих переживания латышских румын, не заинтересовалась. Что же касается России как кладезя открытий для устной истории, то такой подход провозглашала и в нем же фактически разочаровалась еще десятилетие назад более чем авторитетная команда Даниэля Берто [5]. С методологической точки зрения «либеральный» подход также кажется сомнительным, поскольку зачастую сводится к сочувственному, лишённому всякой критики, пересказу записанных рассказов, а сами рассказы оказываются в очень значительной степени предзаданы идейно-политическими установками интервьюеров (ранее мне уже приходилось более подробно останавливаться на этой проблеме) [6]. Не случайно на замечание одной из участниц конгресса Полы Хамилтон (Paula Hamilton): «устная история – это то, что человек прежде никому не рассказывал» последовала (и что примечательно, осталась без ответа) реплика из зала: «Но в чем тогда разница между устной историей как наукой и устной историей как чем-то еще? Как устный историк, я спрашиваю: в чем научность устной истории?». Подобные критические голоса, имеющие смелость озвучить проблему и вслух обозначить ситуацию методологического кризиса в устной истории, образовали старательно игнорируемое «либералами» меньшинство конгресса.

С редким изяществом совместил принадлежность к мейнстриму с готовностью не закрывать глаза на очевидные трудности устной истории мэтр жанра Алессандро Портелли. Вряд ли можно было поставить вопрос о доверии к источникам устной истории и о проблеме их критики более тонко, чем сделал это Портелли всего одной фразой: «И я сказал «ах», когда в моем первом проекте респондент рассказал мне о своем дедушке, знававшем Гарибальди». Рекомендации мэтра по поводу обозначенной проблемы свелись к пожеланию воспитывать в интервьюере умения слушать и слышать, а также кропотливо работать в режиме микроистории. Возможно, Портелли прав, и только так, сужая масштабы устной истории

до кэйс-стади, проверяя и разъясняя устные источники через письменные, вещественные и визуальные, можно на самом деле получать относительно корректные (критически выверенные) выводы. Но сам этот путь скорее виртуозно обходит проблему, чем решает ее, поскольку вместо того, чтобы разрабатывать методы критики собственно устных источников, исследователь привлекает иные ресурсы, к которым устные нарративы становятся не более, чем иллюстративным приложением.

Между тем, ситуация с критикой устных нарративов далеко не сводится к одному только выявлению очевидных «фальшивых мест». Глубину проблемы в какой-то степени обозначила Кейт Мур (Kate Moore), пытаясь поразмышлять о том, что происходит в тот момент, когда интервьюер вторгается в травматические воспоминания и навязывает свои ассоциации и образы респонденту уже тем, что просто задает прошлому хронологические рамки. А что последует, если респондент разрушит табу и блоки памяти, которые являются для рассказчика частью механизма психологической защиты? Но ни сама Кейт Мур, ни аудитория, весьма сочувственно воспринявшая доклад, не озвучила возможных ответов на эти принципиальные вопросы.

Именно этот момент – критика доминирующих подходов без предложения внятных альтернатив – представляется наиболее слабым местом сторонников «углубления научности» устной истории. Их не устраивает поверхностный и идеологизированный «либеральный подход», возводящий в фетиш слово «угнетенных и обиженных», но и собственные предложения о том, как же можно корректно и продуктивно работать с источниками устной истории, они не спешат выносить на всеобщее обсуждение. Можно озвучивать устные истории по радио, сопровождая их налагаемыми студийными шумами, вроде гула улицы, голосов детей или звона посуды (Nichole Curby, Michelle Rayner), или использовать для хранения материалов устной истории самые современные достижения информационной революции (Stephen Sloan), но все это не те методы «углубления научности», которые могли бы решить проблемы, затронутые в сообщениях Алессандро Портелли или Кейт Мур.

На самом деле, если анализировать случай, упомянутый Портелли, логичнее всего было бы начать с вопросов: «Что хотел сказать нам рассказчик, упоминая о дедушке, знавшем Гарибальди? Как это упоминание соотносится с остальными означающими в системе ценностей и смыслов его внутреннего мира?» Но эти вопросы, как и вопросы Кейт Мур, неизбежно уводят историка с простого и понятного поля с системой координат: «услышал-записал-пересказал» на многокоординатное поле психологии (социальной и не только), на котором антропологи пока чувствуют себя гораздо увереннее, чем историки.

Не случайно наиболее интересные с исследовательской точки зрения доклады на конгрессе были сделаны в русле старой доброй антропологии

(сообщение Leslie Waggener, например, рассказывавшей о том, насколько газовый бум изменил жизнь сельскохозяйственной глубинки в Вайоминге), что подтолкнуло Клаудио Эстева Фабрегата (Claudio Esteva Fabregat) поднять на заключительной дискуссии вопрос о проведении отграничительной линии между историей и антропологией. Действительно, антропология давно использует, среди прочих ресурсов, устные рассказы, причем имеет солидную традицию критического отношения к ним. Но если мы постулируем устную историю не как метод, а как самостоятельное научное направление – то, чем оно сущностно отличается от антропологии или социологии? – Вопрос, поставленным пожилым антропологом со всей прямотой его почтенного возраста, был сочтен историками риторическим и провокационным, и в качестве такового оставлен без ответа. И этот постоянный на протяжении всего конгресса уход от ответов на острые вопросы, эта серия избегающих умолчаний были весьма красноречивы.

Очевидно, что устная история находится сейчас перед выбором пути своего дальнейшего развития: окончательно превратиться в политизированное «общественное движение», смириться со статусом одного из методов антропологии или качественной социологии или же попытаться разработать собственное научное лицо и собственный инструментарий. К сожалению, интересные и кажущиеся перспективными в приложении к устной истории идеи Г. Розенталя или К. Риссман [7, 8], не попали в фокус внимания конгресса, который оказался и методологически осторожным, и тематически консервативным.

Библиографический список

1. Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон; Пер. с англ. – М., 2003. – 368 с.
2. Портелли, А. Особенности устной истории / А. Портелли // Хрестоматия по устной истории; Пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2003. – С. 32–51.
3. Лоскутова, М. О памяти, зрительных образах, устной истории и не только о них / М. Лоскутова // *Ab imperio*. – 2004. – № 1. – С. 72–88.
4. Крылов, П. Обретение исторического слуха: парадигмы изучения неофициальной памяти [Электронный ресурс] / П. Крылов // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 74. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/kry27.html/>.
5. On living through Soviet Russia / D. Bertaux / ed. by Daniel Bertaux. – London: Routledge, 2004. – 271 p.
6. Черепанова, Р. О некоторых проблемах и приемах работы с текстами устной истории / Р. Черепанова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2013. – Т. 13. – № 1. – С. 80–85.
7. Rosenthal, G. The Narrated Life Story: On the Interrelation Between Experience, Memory and Narration / G. Rosenthal // *Narrative, memory and knowledge: Representations, aesthetics and contexts* / Ed. by K. Molnes, C. Horrocks, N. Kelly, B. Roberts and D. Robinson. – Huddersfield: University of Huddersfield Press, 2006. Pp. 1–16.

Наука ЮУрГУ: материалы 67-й научной конференции
Секции социально-гуманитарных наук

8. Riessman, C.K. *Narrative Analysis* / C.K. Riessman // *Encyclopedia of Social Research Methods* / Ed. by M.S. Lewis-Beck, A. Bryman, T. Futing Liao. – London UK and Newbury Park CA: Sage Publication, 2004. Pp. 1–7.